

Понамарева А.М.¹ ©, 2020

Старые песни на новый лад: Международные конфликты в XXI веке

Аннотация. В статье оценивается эвристический потенциал термина «новые войны» применительно к анализу современных международных конфликтов. В первой части статьи представлен краткий обзор концепции нетринитарных войн Мартина ван Кревелда, которую тот противопоставляет известной работе Карла фон Клаузевица «О войне». В следующем разделе раскрываются ключевые положения подхода Мэри Калдор, утверждающей, что «старые» и «новые» войны различаются по актерам, целям, методам ведения боевых действий и формам финансирования. Анализируется соответствие теории «новых войн» практике современных международных конфликтов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В третьей части статьи рассматриваются специфические трудности управления и урегулирования внутрисударственных, региональных и международных конфликтов в XXI в. и подтверждается актуальность идеи Эммануэля Тодда о «театрализованном микромилитаризме» США. Также рассматривается место концепции сетевцентричной войны в структуре современных гибридных войн. Характер угроз, воспроизводимых в асимметричных конфликтах, анализируется сквозь призму концептуальных разработок Эндрю Макка. В фокусе последнего раздела – оценка так называемой новизны

¹ Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (amr1982@mail.ru).

«новых войн» и описание разрыва между западной и незападной культурами войны. Принимая концепцию Герфрида Мюнклера, мы утверждаем, что на современном этапе ведение войны напоминает формы коллективного насилия, имевшие место в Европе до момента установления государствами начала эпохи модерна нормативных правил, которые регламентировали международный порядок ведения боевых действий с конца Тридцатилетней войны. Мы также полагаем, что аргументы в пользу трансформации природы войны в основе своей отражают трансформацию восприятия войны на Западе. В заключение обозначаются основные заблуждения в трактовке теоретической модели К. фон Клаузевица и содержится предложение рассматривать дискурс «новых войн» как следствие изменения западного восприятия войны, но не ее природы.

Ключевые слова: международные конфликты, «новые войны», идентичность, насилие, национальный интерес, терроризм.

В конце 2010-х годов обсуждение проблематики коллективного насилия в мирополитической системе зачастую включает в себя дискуссию о целесообразности рассмотрения современных международных конфликтов сквозь призму концепции так называемых «новых войн». Этот переживший пик своей популярности в 1990-е годы, но все еще будоражащий академическое сообщество термин предполагает радикальную трансформацию методов и способов ведения войны: утверждается переход от оркестрируемого государством организованного насилия с рационально определенными политическими целями к множеству анархичных по своей природе форм применения силы такими негосударственными образованиями, как повстанческие группировки, экстремистские организации, транснациональные банды и т.п.

Инициированная США после событий 11 сентября 2001 г. «война с терроризмом» добавила новые краски в обсуждение темы. Экспертному сообществу потребовалось понятие, подходящее для описания борьбы национальных сил с неким полувиртуальным врагом, сторонники которого формируют свое, не разделенное государственными границами пространство взаимопомощи: начиная от «спящих ячеек» в западных столицах и заканчивая отрядами боевиков на территориях Сирии и Афганистана.

В конечном итоге полемика о природе международных конфликтов будущего разворачивается в силовом поле, создаваемом двумя противоположными друг другу концепциями. В основе первой концепции лежит представление о том, что война есть разновидность производственной деятельности, повторяющая в своем развитии стадии развития экономики, причем под действием аналогичных факторов. Таким образом, любые значимые изменения в характере войн оказываются связаны с научно-техническим прогрессом. Исходными посылками второй концепции («новых войн») выступают признание войны культурно обусловленным видом человеческой деятельности и утверждение о наличии фундаментальных сдвигов в социокультурных особенностях вооруженных конфликтов.

В рамках настоящей статьи мы попробуем проанализировать, какие значимые тенденции в трансформации современных международных конфликтов улавливает термин «новые войны», а от каких, возможно не менее значимых констант, уводит внимание исследователя.

Обещание эпохи «новых войн»

Необходимость расширения категориально-понятийного аппарата описания международных конфликтов обозначали в своих ретроспективных исследованиях ученые университетов Упсалы [Eriksson, Wallensteen, Sollenberg, 2003] и Гамбурга [Gantzel, Schwinghammer, 2000]. Они пришли к выводу, что классические межгосударственные конфликты практически полностью сменились «молекулярными гражданскими войнами» и так называемыми конфликтами низкой интенсивности.

При этом, дополняют отдельные эксперты, гражданские войны разворачиваются на *внегосударственном* уровне [Степанова, 2001; Щекотинин, 2016]. С окончанием холодной войны основным типом вооруженного противостояния стали ограниченные конфликты внутреннего интернационализованного характера. Как правило, они являются частью более обширных зон локально-региональной напряженности. Например, евразийская дуга нестабильности, протянувшаяся от Северного Кавказа до Афганистана и

Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), или «северный треугольник смерти» – страны Центральной Америки: Гватемала, Гондурас и Сальвадор. Соответственно, продуцируемые такого рода конфликтами угрозы носят комплексный и многоуровневый характер.

Справедливость заявленных тезисов можно проиллюстрировать, обратившись к истории гражданской войны в Йемене. С 2014 г. там посредством внутринационального конфликта между хуситами и правительственными войсками обкатывается сценарий противостояния Ирана и коалиции арабских стран под руководством Саудовской Аравии, поддерживаемой Вашингтоном. Йемен фактически превратился в поле боя между «шиитским поясом» и «арабским халифатом» за нефть и влияние в регионе [Бень, 2019].

Одним из первых теоретически осмыслить тенденцию «разгосударствления» международных конфликтов попытался израильский историк Мартин ван Кревельд, заложивший основы общественно-политического дискурса «новых войн». Он провозгласил конец так называемых тринитарных войн, в которых «организованное насилие осуществлялось государством, во имя государства и против государства» [Кревельд, 2005, с. 67] и присутствовало четкое разграничение между армией, правительством и народом. В мире после Второй мировой войны право вести войну, на протяжении столетий бывшее неотъемлемой частью суверенитета страны, оказалось сведено до права на самооборону и фактически аннулировано. Более того, когда государствам все же случалось воспользоваться ст. 51 Устава ООН, они не могли извлечь выгоду из конфликта за счет территориальных изменений. Таким образом, число крупномасштабных межгосударственных конфликтов с применением обычных вооружений сократилось, и большее распространение получили войны против негосударственных образований и между ними. Трансформировалась культура войны: последняя перестала быть «продолжением политики иными средствами», превратившись в нечто самоценное, «вещь в себе».

Идея М. ван Кревельда о том, что ведение войн будет переходить от государства к организациям, вдохновила многих историков и политологов, пребывавших в поиске новых моделей, пригод-

ных для описания международных конфликтов после окончания холодной войны.

Признаки «новых войн»: в теории и на практике

Известный американский исследователь, в свое время входивший в Комитет по оборонной политике при Минобороны США, Роберт Каплан синтезировал тезисы Кревельда с собственным опытом изучения вооруженных конфликтов, приобретенным в ходе работы военным корреспондентом в Африке, Афганистане и на Ближнем Востоке. В разошедшейся на цитаты статье «Анархия на подходе» Каплан предсказывал взрыв иррационального насилия, который произойдет в условиях глобального дефицита ресурсов, перенаселения, трайбализма, распространения эпидемий и транснациональной преступности [Kaplan, 1994].

В академической среде линия М. ван Кревельда была продолжена профессором Лондонской школы экономики Мэри Калдор, предложившей сам термин «новые войны» по итогам изучения кровавого распада бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия.

Исходная гипотеза ее основной книги «Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху» строилась на довольно тривиальном и многократно зафиксированном другими учеными наблюдении, что глобализация разрушила монополию государства на военное насилие, обострив такие вызовы современности, как политический терроризм, гибридные войны, межэтнические конфликты, вооруженный сепаратизм и ирредентизм. Но не констатация размывания границ между легитимным и преступным насилием, комбатантами и нонкомбатантами, внутри- и межгосударственными конфликтами сделала работу М. Калдор интеллектуальным событием конца 1990-х годов. Переход на более глубокий уровень анализа с последующей выработкой категориально-понятийного аппарата стал возможен благодаря опыту самостоятельных поездок автора по бывшей Югославии, бесед с участниками и жертвами боевых действий. Все это позволило представить полное и нюансированное описание конфликта в Боснии и Герцеговине (1992–1995) как «лаборатории, в которой эксперимен-

тально обрабатывались разные методы управления новыми войнами» [Калдор, 2015, с. 6].

Были четко обозначены признаки, отличающие «новые войны» от тех, что велись в эпоху модерна и ранее:

– во-первых, связь целей «новых войн» с политикой идентичности (этнической, трайбалистской, религиозной), а не с идеологически или геополитически обоснованным национальным интересом;

– во-вторых, направленность насилия преимущественно на гражданское население, когда нарушение прав человека является не побочным эффектом войны, а ее центральным стержнем;

– в-третьих, поддержание войны за счет формирования специфической военной экономики, децентрализованной, зависящей от внешних источников (гуманитарная помощь, денежные переводы от представителей диаспор и т.д.) и криминальных доходов от торговли оружием или наркотиками.

К примеру, большая часть вооруженных конфликтов в зоне африканского Сахеля связана с противостоянием кланов и племен или имеет религиозную окраску. В регионе активно действуют группировки джихадистов. Соперничество между военными лидерами и радикальными исламистами то и дело сменяется сотрудничеством в рамках неформальных договоренностей о разделе зон влияния и контроля. Ситуацию осложняет острая конкуренция западных держав за присутствие в регионе, снижению накала которой не способствует даже блоковая дисциплина и общее членство в таких организациях, как НАТО [Сатановский, 2016]. Мало того, еще в 2009 г. директор Управления ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью Антонио Мариа Кошта заявил: «У нас есть убедительные доказательства того, что в Сахаре пересеклись два незаконных потока наркотиков. Один – героиновый – использует в качестве транзитного пункта Восточную Африку, второй – кокаиновый – Западную Африку. Эти наркопотоки обогащают не только организованную преступность, – подчеркнул Кошта. – Террористические и антиправительственные организации, действующие в странах Сахеля, также начали пополнять свои ресурсы за счет доходов от участия в наркотрафике. Эти средства

расходуются на финансирование их операций, приобретение оружия и оплату боевиков» (цит. по: [Куделев, 2009]). Не случайно комплексная стратегия ООН по предотвращению конфликтов в Сахеле предусматривает укрепление механизмов экономического управления, раннее предупреждение трансграничных угроз, включая терроризм, защиту прав человека и расширение возможностей для молодежи.

Ряд исследователей попытались установить характер взаимосвязи между «нефтяным изобилием» и увеличением числа гражданских конфликтов после окончания Второй мировой войны. Директор Центра изучения экономики стран Африки Оксфордского университета Пол Кольер и сотрудник того же центра Анке Хоффлер пришли к выводу, что с расширением ресурсной базы государства угроза гражданской войны возрастает: оппозиция в стремлении поставить под свой контроль новый источник дохода усиливает давление на правящий режим. Однако, по их мнению, этот риск снижается при достижении пика добычи природных ресурсов, поскольку власти получают в свое распоряжение большее количество рычагов воздействия на население. Рассматриваемая зависимость, таким образом, носит немонотонный характер [Collier, Hoeffler, 1998, p. 571]. Влияние географических особенностей распределения природных ресурсов на характер конфликта стремился обосновать Филипп ле Бийон. Он предложил учитывать следующие два фактора при оценке вероятности развития регионального сепаратизма в стране: местоположение залежей полезных ископаемых по отношению к столице и степень концентрации ресурсов. Сецессии в наибольшей степени благоприятствует ситуация, при которой отдаленные от центра, но точно сконцентрированные ресурсы контролируются местным населением, заинтересованным в иностранных инвестициях, но способным их получить, только добившись суверенитета своего региона [Le Billon, 2001]. Негативные политические последствия ресурсообеспеченности (в том числе обострение сепаратистских тенденций) детально рассматриваются в работе американского политолога Майкла Росса, где отмечается, что сверхобеспеченность запасами углеводородов искажает структуру экономики, не способствует

подотчетности правительства населению и в конечном итоге приводит к накоплению конфликтного потенциала в обществе [Росс, 2015].

В развитие концепций вышеозначенных авторов эксперт Наньянского технологического университета Чиаи Ли выделила три механизма обеспечения причинно-следственной связи между нефтяным бизнесом и терроризмом, а именно: 1) финансирование – использование выручки от продажи нефти для поддержания активности террористических группировок; 2) таргетирование – выбор нефтяной инфраструктуры государства в качестве цели удара; 3) мотивация – побуждение к терроризму недовольных распределением ресурсов. В большинстве случаев связь терроризма и нефти обеспечивается действием механизма таргетирования. При этом вероятность того, что государство подвергнется террористической атаке, прямо пропорциональна объему запасов нефти, которыми оно обладает. Чиаи Ли также высказала гипотезу о наличии прямой зависимости между увеличением доходов государства от продажи нефти и его вовлеченностью в спонсирование терроризма, указав, что нефтедобывающие страны с преимущественно исламским населением в большей степени склонны к подобным действиям [Lee Chia-Yi, 2016].

К сожалению, автор не рассмотрела самый очевидный пример реализации механизма финансирования – использование «Исламским государством» (ИГИЛ)¹ нефтяных месторождений Сирии и Северного Ирака. По имеющимся данным, в 2014 г., т.е. на пике своего могущества, группировка продавала нефть у скважины по 20–35 долл. США за баррель, посредники же перепродавали нефтепродукты по цене 60–100 долл. США за баррель на местных и соседних рынках [Финансирование.., 2015]. На том этапе годовая выручка ИГИЛ от продажи нефти составляла около 150–450 млн долл. США. В 2015 г. она возросла до 435–550 млн долл. США [Caliphate in decline.., 2017]. Очевидно, в основе эффективности данной схемы лежало сращивание криминала, власти и силовиков. Тем не менее с

¹ Здесь и далее по тексту сборника «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – запрещенная в России террористическая организация. – Прим. ред.

началом авиаударов Международной коалиции по модульным нефтеперерабатывающим установкам и колоннам сопровождения террористов возможности ИГИЛ в области продажи нефти и нефтепродуктов с захваченных территорий существенно сократились. К 2016 г. объем годовой выручки снизился до 200–250 млн долл. США [Caliphate in decline., 2017].

Сквозь призму идеи о взаимозависимости процессов ведения войны и строительства государства в контексте глобализации так называемую «новизну» современных конфликтов пытался проанализировать известный немецкий политолог, специалист по современным международным отношениям Герффрид Мюнклер. Подобная исследовательская перспектива предполагает, что появление «новых войн» является следствием провала процессов нациестроительства в странах «третьего эшелона» развития [Мюнклер, 2018].

Экономическая глобализация сократила суверенные prerogatives современных государств и одновременно предоставила внесистемным акторам ресурсы и технологии для оспаривания государственной монополии на насилие. При этом произошло вращение локальных экономик войны в глобальные экономические потоки, что привело к «самозацикливанию» ряда вооруженных конфликтов, в которых целью участников стало уже не достижение победы, а поддержание самого противостояния.

Сохранение конфликтов для оправдания своего военно-политического присутствия – стратегия, в которой, по мнению отдельных экспертов, в наибольшей степени преуспели США. С точки зрения французского историка Эммануэля Тодда, «в тот момент, когда мир начинает приобщаться к демократии и учиться обходиться в политическом плане без Америки, последняя начинает утрачивать свои демократические характеристики и открывает для себя, что она не может экономически обходиться без остального мира» [Тодд, 2004, с. 29]. Чтобы обеспечить контроль над ключевыми регионами поступления ресурсов и инвестиций, Соединенные Штаты нуждаются в некотором хаосе, который служил бы обоснованием их регулярного вмешательства во внутреннюю политику государств Старого Света и Ближнего Востока. Таким образом формируется специфическая американская военная стратегия,

которую Э.Тодд уничижительно называет «театрализованным микромилитаризмом». В ее основе лежат три «правила»: «не решать окончательно проблемы, чтобы оправдать нескончаемые военные действия единственной сверхдержавы в планетарном масштабе»; «сосредоточиваться на микродержавках – Ираке, Иране, Северной Корее, Кубе и т.д.»; «создавать новые виды вооружений, чтобы Соединенные Штаты были “далеко впереди” всех в гонке вооружений, которая никогда не должна прекращаться» [Тодд, 2004, с. 30–31].

Неоднозначная роль Вашингтона в сирийском конфликте, принципиальный отказ выделять средства на восстановление районов, находящихся под контролем властей САР, наряду с оказанием спонсорской помощи так называемым оппозиционным вооруженным формированиям, фактический срыв Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и последующие провокации в адрес ИРИ (в частности, обвинение в атаке на танкеры в Оманском заливе), попытки внедриться в «Нормандский формат» по урегулированию ситуации на востоке Украины – все это подтверждает, что «диагноз», поставленный Э.Тоддом в 2002 г., как представляется автору настоящей статьи, сохраняет актуальность.

Трудности урегулирования и управления конфликтами «нового» типа

На современном этапе во многих региональных конфликтах, направленных, как полагают отдельные эксперты, на создание необходимого Вашингтону «управляемого хаоса» [Ibid., с. 72], успешно тиражируется сформулированная вице-адмиралом ВМС США Артуром Себровски и профессором Джоном Гарстка концепция сетецентричного подхода к организации и ведению боевых действий (англ. *Network-centric warfare, NCW*).

Модель «сетецентричной войны» была представлена американскими теоретиками как система, объединяющая три решетки-подсистемы: информационную, сенсорную и боевую. Элементами сенсорной подсистемы являются средства разведки, а боевой – средства поражения. Две группы элементов связываются воедино

органами управления и командования [Ковалев, Малинский, Матвиенко, 2013, с. 43]. Но основу триады составляет информационная решетка, пронизывающая всю систему в полном объеме.

Таким образом, в нашей постмодернистской реальности, когда центр противостояния переносится в область общественного сознания, победа над противником достигается быстрее с созданием условий для его «самостоятельной» дезорганизации, последовательного расшатывания структур государственной власти изнутри [Чимаров, 2016].

В данном контексте современные технологии осуществления «экспресс-революций», применение которых мы наблюдали в ходе «арабской весны» 2010–2011 гг., а еще раньше – во время «революции роз» 2003 г. в Грузии, «оранжевой революции» 2004 г. на Украине, «тюльпановой» 2005 г. в Киргизии, в полной мере вписываются в концепцию сетецентричности. Критически важными объектами поражения в соответствии с так называемой «концепцией пяти колец» полковника Дж. Уордена, в которой центральное (первое) «кольцо» отображает наиболее уязвимую часть государственной машины, являются соответственно: политическое руководство; производство; государственная инфраструктура; народонаселение и лишь затем – вооруженные силы [Warden, 1995]. Выведение из строя ключевых узлов обозначенных «колец» приводит к дисфункции государственной машины. Одновременно элементарная логика подсказывает, что дешевле и проще будет заставить оппонента сдаться, не сражаясь с его армией и населением, а переводя энергию общественного недовольства объективными социально-политическими трудностями в протестное движение с дальнейшим осуществлением смены элит.

От технологий экспорта революций начала XX в. современные методы «ненасильственного сопротивления» (см.: [Шарп, 2005]) отличаются рядом характерных особенностей, обусловленных становлением информационного общества. Это, во-первых, экспрессивный характер действий и исключительная событийная насыщенность для сравнительно малого периода активных протестных акций, во-вторых, укрепление всего оппозиционного блока демократических партий, в-третьих, активный поиск сторонников

перемен внутри руководства страны и высших чинов силовых ведомств и, наконец, создание с помощью технологий сетевого маркетинга «партий-големов», которым отсутствие единого открытого руководства и четкой программы позволяет собрать под своим флагом максимальное число сторонников для проведения акций массового гражданского неповиновения. К моменту распределения власти после переворота такие организации рассыпаются под действием заложенного в них механизма самоуничтожения, каковым становится широта спектра участников, а также информация об источниках финансирования данных организаций, скрывавшаяся до определенного времени [Ильченков, 2008].

Сетецентричный подход, апробированный в ходе военной операции НАТО против Югославии в 1999 г. и вторжения США в Ирак в марте 2003 г., в настоящее время реализуется «под ширмой» борьбы с боевиками «Исламского государства», действующими преимущественно на территории Ирака и Сирии, а также в ходе кризиса на Украине.

Современные конфликты на африканском континенте, на постсоветском и постъюгославском пространствах «включают в себя несчетное число транснациональных связей, отчего трудно удержать различие между внутренним и внешним, между агрессией (нападение из-за рубежа) и репрессией (атака изнутри страны) или даже между локальным и глобальным» [Калдор, 2015, с. 5]. Множественность вовлеченных в них акторов многократно усложняет задачу достижения мира, поскольку не всегда те, кто садится за стол переговоров, обладают реальным потенциалом воздействия на ситуацию. Отсутствие прогресса в выполнении Минских договоренностей по разрешению конфликта на Донбассе, трудности в нахождении взаимоприемлемой формулы урегулирования сирийского кризиса – яркое тому подтверждение. Зачастую потенциальные прорывные решения блокируются зависимостью субъектов конфликта от глобальных игроков или же их расчетом на поддержку извне. Все это в совокупности снижает мотивацию переговорщиков на скорейшее урегулирование конфликта. Аналогичные трудности возникают при наличии у сторон и медиаторов конфликта более четкого понимания желаемых политических целей и

путей их достижения, чем у самих субъектов конфликта, в особенности при столкновении конкурирующих идеологем в рамках миротворческого процесса. В данном случае подтверждается актуальность обозначенной А.И. Никитиным проблемы разграничения между вмешательством в конфликты внешних сил ради реализации собственных интересов и относительно беспристрастным вмешательством в целях восстановления мира и безопасности. В методологическом плане допустимым представляется рассматривать миротворческие операции в качестве «своеобразной формы развития и протекания самого конфликта» [Никитин, 2010, с. 237]. Если у национальных лидеров отсутствует стратегическое видение будущего своей страны, то их решения определяются ситуативными факторами и выражаются в метании между более сильными внешними игроками, что приводит к затягиванию вооруженного противостояния. В отдельных случаях различные формы международной поддержки легитимизируют глав деструктивных группировок или руководителей «хрупких государств» (англ. *fragile states*) [Jackson, Rosberg, 1982]. В социальном плане манипуляция финансовой, военной, информационной, правовой и т.п. помощью субъектам конфликта связана с определенным риском: полагаясь на поддержку своих международных союзников, участники боевых действий начинают вести себя все более безответственно, рассчитывая, что застрахованы извне от провала [Вуман, 2006].

«Новые войны» в большинстве своем асимметричны. Если обратиться к региону Ближнего Востока, то примерами подобных конфликтов являются не только недавно возникшие очаги напряженности (Ливия, Йемен, Ирак и Сирия), но и конфликты, унаследованные от холодной войны и биполярного мира – палестино-израильский и западносахарский [Ближний Восток., 2016]. Разделяя позицию Е.А. Степановой, мы полагаем, что эпитет «асимметричный» должен применяться только к тем конфликтам, где «несоответствие потенциалов (сил) дополнено статусным неравенством» [Степанова, 2010]. Причем асимметрия никогда не бывает абсолютно односторонней. Иначе ввод данного понятия в научный оборот не открыл бы целый спектр возможностей для ученых, стремящихся объяснить, за счет чего более слабому с точки зрения

мощи и формального статуса противнику столь часто удается избежать полного разгрома.

Отправной точкой исследований по соответствующей проблематике стал сформулированный Эндрю Макком в названии своей статьи 1975 г. вопрос «Почему великие державы проигрывают малые войны: Политика асимметричного конфликта» [Mask, 1975]. Как отмечает Е.А. Степанова, «для того чтобы превратить одностороннее превосходство государства в двустороннюю асимметрию, более слабая сторона ищет иную почву для противоборства и пытается опираться на иные ресурсы, чем те, которыми оперирует государство» [Степанова, 2010, с. 52]. Это подразумевает активную работу более уязвимого игрока с информационными ресурсами, влияние которых на протекание и результат того или иного конфликта возрастает с каждым годом. Информационно-стратегический парадокс заключается в том, что победа на поле боя не гарантирует победы в представлении мирового сообщества. Между тем воспользоваться результатами изменений, не признаваемых легитимными, затруднительно. История демонстрирует случаи, когда слабый контрагент осознает неизбежность своего военного поражения, однако надеется на политический выигрыш, следуя утверждению «можно проиграть сражение, но выиграть войну» [Дериглазова, 2015].

Пятидневная война в августе 2008 г. между Грузией и Южной Осетией, в защиту которой выступила Россия, пожалуй, наилучшим образом иллюстрирует этот тезис. В то время как российские СМИ и высшее руководство страны последовательно выстраивали образ конфликта как следствия неспровоцированной атаки агрессора, получившего заслуженный и решительный отпор, Грузия описывала августовскую войну в терминах «запланированного вторжения огромной военной державы на суверенную территорию небольшой страны с намерением вернуть ее в состав своих земель» [Wertch, Karumidze, 2009, p. 378]. Усилия грузинского руководства по достижению преимущества хотя бы в информационной войне подкреплялись политизацией истории, созданием целой инфраструктуры «мест памяти», которая обеспечивала утверждение выгодной Грузии трактовки событий прошлого. Подчеркивалась

прямая преемственность Российской Федерации по отношению к СССР, параллельно вводились новые коммеморативные практики, такие, в частности, как отмечание Дня советской оккупации (25 февраля). В соответствующем постановлении, принятом парламентом Грузии в 2010 г., упоминалось, в числе прочего, что Россия продолжает оккупировать часть грузинской территории, сохраняя свое военное присутствие в непризнанных Абхазии и Южной Осетии [Парламент Грузии., 2010].

Демонизация России вкупе с приписыванием ей «имперского синдрома» отвечает политике коллективного Запада по сдерживанию РФ, поэтому транслируемый Грузией нарратив с готовностью подхватывается в США и странах Европы. Таким образом, в информационном противоборстве Тбилиси (благодаря не только собственным усилиям) выигрывает по очкам. До сих пор ни одна из стран – участниц ОБСЕ (кроме России) не приняла решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Госдепартамент США продолжает обвинять Россию в оккупации территорий Грузии, а ОБСЕ неоднократно указывала Москве на нарушения прав человека в обеих республиках, на судебные преследования по политическим мотивам и этническую дискриминацию.

Подобная трактовка уместна, если мы анализируем только линию противостояния Россия – Грузия. Однако, если рассматривать данный конфликт как частный случай *proxy war* между США и РФ, резонно будет предположить, что его подлинной ставкой был отказ американцев от развертывания третьего позиционного района противоракетной обороны. Война завершилась взаимовыгодным разменом. Россия отказалась от взятия Тбилиси, но признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Страны Запада, в свою очередь, сохранили у власти режим М. Саакашвили и не признали Абхазию и Южную Осетию. Через год как бы по другому поводу США отложили решение по развертыванию третьего позиционного района ПРО и принятию Грузии в НАТО [Фененко, 2016]. Подтвердить эту гипотезу ссылками на официальные документы мы не можем, но она, безусловно, заслуживает рассмотрения.

«Никогда такого не было, и вот опять»

Уже упоминавшийся на страницах этой работы Г. Мюнклер отмечает контрпродуктивность попыток продолжать рассуждать в логике той теории войн, которая возникла и сложилась в раннее Новое время и наиболее ярким воплощением которой стали работы Карла фон Клаузевица. Он полагает, что выводы Клаузевица неприменимы к современным конфликтам, у которых нет четких границ во времени и пространстве и в которых не действуют законы прежних государственных субсистем.

Тем не менее мы не можем отнести Мюнклера к сторонникам концепции «новых войн», поскольку именно *новизны* в конфликтах XXI в. он как раз и не видит. С его точки зрения, мы наблюдаем возвращение «прапрошлого», т.е. довестфальской эпохи с теснейшим переплетением различных типов войн, конфессиональных, политических и экономических противоречий, когда ни одно сражение не могло стать решающим в плане готовности противостоящих сторон признать таковыми его итоги. Мюнклер утверждает, что между Тридцатилетней войной и асимметричными конфликтами на сегодняшнем Ближнем Востоке имеется очевидное структурное сходство: по характеру применяемого насилия; вовлеченности властных элит; степени вмешательства извне; наконец, по факту слияния нескольких войн разных типов в одну непрерывную. Чтобы покончить с «новой тридцатилетней войной» на Востоке, нужен «новый Вестфальский мир», заключает немецкий ученый, оставляя тем не менее открытым вопрос о практических аспектах реализации этого политического рецепта (см.: [Jung, 2005, p. 425–427]).

Еще один признак, делающий современные войны схожими с Тридцатилетней войной, – возрождение наемничества на легальном уровне в виде частных военных и охранных компаний (ЧВОК). Эти «теневые армии» начали появляться в начале 1990-х годов с окончанием холодной войны. Распад СССР, по словам эксперта британского аналитического центра Боба Эйерса, можно приравнять к «снятию крышки со скороварки»: именно после этого все большую значимость стали приобретать процессы, связанные с активизацией ультранационалистов и международных организаций, недовольных текущим положением дел, и с возникновением мно-

гочисленных угроз международной безопасности. При этом значительно сократились регулярные армии. Все это способствовало как появлению свободных военных специалистов, так и увеличению спроса на них (см.: [Howden, Doyle, 2007]).

За последние два десятилетия коммерческие фирмы, связанные с ЧВОК, взяли на себя ряд функций, ранее выполнявшихся ВС: логистику, техническое обеспечение, поддержание безопасности и подготовку кадров [Singer, 2002; Stanger, 2009]. Так, если в США во время операции «Буря в пустыне» (1991) соотношение операторов¹ к солдатам регулярной армии составляло 1:10, то уже начиная с 2007 г. этот показатель составил 1:1 [Schwartz, 2011]. Без привлечения контракторов ЧВОК вооруженные силы США уже не могут осуществлять операции за границей. Казалось бы, это размывает монополию государства на насилие, однако, если смотреть не на организационные формы, а на реальные цели ЧВОК, становится ясно, что они, в большинстве своем, служат инструментом продолжения политики своей страны [Современные войны..., 2015, с. 124]. Как утверждает Д. Эвант, военная приватизация просто уменьшает демократический контроль над применением силы. У представителей исполнительной власти появляется способ обойти законодательное право вето и снизить транспарентность принимаемых решений через сокращение видимых затрат на военные кампании [Avant, 2005; Avant, 2010].

Обсуждение высказанных Г. Мюнклером гипотез в академической среде – прекрасная иллюстрация продолжающегося конфликта историков-международников и политологов-международников в отношении направленности работ, вписывающихся в их общую предметную область, и применяемых методов исследования. Историков осуждают за мелкотемье, диспропорциональное внимание к отдельным фактам, не позволяющее «увидеть лес за деревьями», политологов – за произвольность аналогий и подстраивание фактов под теорию. Таким образом, идея политолога Г. Мюнклера о том, что современные конфликты на Ближнем Вос-

¹ Оператор здесь – боец частных военных и охранных компаний. – Прим. ред.

токе являются типологической калькой Тридцатилетней войны, любому историку кажется надуманной аналогией. Основное возражение против подобных обобщений заключается в некорректности проведения параллелей между войной, где сталкивались силы одного цивилизационного уровня, и конфликтами, в урегулирование которых вмешиваются внерегиональные и чужеродные в культурном плане игроки. Противопоставляя себя враждебному Другому – Османской империи, протестантская и католическая Европа обретала ценностное единство, в то время как говорить о каком-либо ценностном единстве современных арабского мира, Запада и России не приходится. Вестфальский мир был заключен типологически и цивилизационно близкими акторами, но сегодняшние конфликты разворачиваются в пространстве взаимодействия совершенно разных систем ценностей, неодинакового исторического опыта народов, различного достигнутого ими уровня технического прогресса и видения будущего [Прокопьев, 2018].

Возможно, ближе всех к истине подошел профессор Лондонской школы экономики Кристофер Кокер, утверждающий, что изменились не столько войны, сколько наше восприятие войн, сам западный дискурс о войне [Coker, 2002].

Утверждение сугубо инструментального подхода к анализу конфликтов дистанцировало *The West* от *The Rest*, т.е. от культур, придающих экзистенциальную значимость религиозному и ценностному измерениям войны. Поэтому, сталкиваясь с врагом, обладающим прямо противоположным пониманием сути войны, Запад оказывается чрезвычайно уязвим перед асимметричными формами насилия, подобными терактам 11 сентября.

Характерное для расширенного Запада признание конфликта аномалией общественного развития препятствует адекватной реакции на действия групп, придерживающихся иной системы ценностей и считающих политику и насилие взаимодополняющими феноменами. Пренебрежение идеологической спецификой приводит к заигрыванию с силами, удержать контроль над которыми впоследствии оказывается практически невозможно. Однако США, Израиль, Великобритания и Франция на протяжении нескольких десятилетий поддерживали отношения с исламистскими

группами, которые сегодня считаются «террористическими». «Западные страны ничего не имели против экстремизма, покуда он отвечал их интересам» [Masland, Dickey, 1993], игнорируя тот факт, что центральное место в политической идеологии салафитского джихадизма занимает готовность к активным насильственным действиям, воспринимаемым как благо даже при наличии многочисленных жертв, так как они ведут к установлению всемирного порядка и всемирному признанию одной, единственно верной религии. Обоснованием допустимости убийств гражданского населения служат концепции «равноценного возмездия» (англ. *equal retaliation*) и «сообразного поведения» (англ. *behaviour in likeness*), являющиеся развитием принципа «аль-вала ва-аль-бара», согласно которому любовь, преданность и дружбу следует проявлять по отношению к Аллаху, Пророку и верующим, а к неверующим, язычникам и сектантам – презрение и ненависть [Bhatt, 2014, p. 32].

Соответственно, расчет на возможность сохранения контроля над группой, отрицающей сам способ бытия, сложившийся в западном обществе, представляется опрометчивым. Уже сегодня мы можем наблюдать, как подобные «выпущенные из бутылки джины» становятся причиной затягивания ряда региональных конфликтов или нарастания интенсивности имеющихся противоречий.

В настоящее время мы являемся свидетелями становления новых центров силы в геополитической системе координат. Пока они активно действуют преимущественно на региональном уровне, но при этом обладают огромным потенциалом роста. Геополитическим фоном развития новых центров силы становится обострение традиционных, а также появление ряда новых рисков, вызовов и угроз глобальной безопасности. Указанные процессы находят отражение и в изменении конфигурации международных конфликтов в XXI в.: расширяется число как непосредственных, так и косвенных участников конфликтов; помимо государств в конфликты активно вовлекаются международные организации, политические движения, ТНК; этнический и религиозный факторы все чаще становятся инструментами групповой мобилизации в борьбе элит.

Война при этом остается структурной характеристикой современности и рассмотрение ее как аномалии было бы правомерно расценивать как выражение гуманистического предубеждения, склонности к нормативизму, малопригодному для описания эмпирических феноменов.

В реалиях нового постбиполярного мира происходит постепенное размывание границы между внутренней и внешней безопасностью, и сторона, опирающаяся лишь на классические методы ведения военных операций, выработанные в XX в., уже не может рассчитывать на победу в настоящих и будущих международных конфликтах века XXI.

Примечательно, что США, вмешивающиеся практически во все региональные конфликты сегодняшнего дня, за время своего пребывания в роли единственной мировой сверхдержавы утратили готовность и навыки слышать партнеров и договариваться с ними, утвердившись в своем международно-правовом нигилизме. Хотя обстановка на мировой арене меняется, соотношение военных потенциалов ключевых держав в меньшей степени подвержено трансформации, что способствует сохранению инерционности мышления военно-политической элиты, а потому в ближайшем будущем не приходится ожидать более взвешенного и нюансированного подхода от тех, кто все еще воспринимает себя как наиболее сильного игрока в фукидидовском сценарии «сильный делает то, что может, слабый терпит то, что должен терпеть». Как справедливо отмечают Алексей Миллер и Федор Лукьянов, «мировые события наглядно демонстрируют: “классические” проблемы, не урегулированные в конце XX века, – силовой дисбаланс, отсутствие неоспоримой международной иерархии, эрозия общепризнанных правил, так и не сложившийся мировой порядок – постоянно напоминают о себе, не позволяя объединить усилия для противодействия новым вызовам» [Миллер, Лукьянов, 2016, с. 15].

Возможности негосударственных акторов во многом определяются наличием новой информационно-коммуникационной среды, доступностью ряда видов вооружений. Трансформация форм и способов ведения «новых войн» под влиянием технологического прогресса – вот что, в первую очередь, составляет их «новизну» и

способно породить новые типы социальных отношений. Но не наоборот.

Вспомним, например, что сценарии военно-политической конфронтации в Арктике разрабатывались СССР и США еще в период холодной войны. Однако до конца XX в. Москва и Вашингтон не располагали соответствующими материально-техническими возможностями действий на отдаленном и климатически сложном Арктическом ТВД. Но к середине 2010 г. ситуация изменилась. Потепление и таяние льдов в Северном Ледовитом океане, а также прорывные достижения в технологии создали более благоприятные условия для освоения арктического шельфа и судоходства в высоких широтах. В результате конфликтный потенциал Арктики, которая всегда была объектом территориальных, ресурсных и военно-стратегических интересов ряда государств, резко возрос, вследствие чего в РФ было принято решение о создании на основе Северного флота ВМФ России межвидовой группировки сил и средств, отвечающих за военную безопасность в Арктике. И в данном случае именно расширение диапазона технологических возможностей способствовало трансформации характера отношений арктических держав [Современные войны..., 2015, с. 105–106].

Скачкообразное ускорение процесса технологизации вооруженной борьбы, неидентифицируемые по государственной принадлежности схватки за будущие преференции в киберпространстве и т.п. оборачиваются возрастанием многоплановости настоящих и потенциальных международных конфликтов [Война в киберпространстве..., 2013]. Динамика современных конфликтов связана с рисками одновременной эскалации напряженности в нескольких сферах ведения боевых действий (англ. cross-domain escalation), нарастающими по мере развития противоспутникового оружия, расширения возможностей для атак в киберпространстве и пр. Подлинной революцией в военном деле стало бы создание оружия, нивелирующего воздушную мощь. Только такой технологический прорыв мог бы обеспечить выход за рамки нынешнего эталона «победы-сделки» [Фененко, 2016].

Грань между армией и народом размывается, но не стирается полностью. Мало того, сам К. фон Клаузевиц подчеркивал, что ни

одному из трех общественных институтов, включая правительство, не может быть отведена особая роль в достижении результатов вооруженной борьбы. То есть возможность развития ситуации по сценарию, намеченному М. ван Кревельдом, допускалась еще в начале XIX в.

«Война есть *не только* подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу», – утверждал К. фон Клаузевиц, подчеркивая, что война в своем общем внешнем проявлении всегда определяется динамикой триединства факторов насилия, случайности и упорядоченности [Клаузевиц, 1934, с. 29]. И это уточнение – «не только» – служит наилучшим комментарием к дискуссии о «новизне» современных международных конфликтов.

Литература

Бень Е. Война, в которой жертв не считают // Новые известия. – М., 2019. – 05.05. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/world/05-05-2019/yemen-voyna-v-kotorou-zhertv-ne-schitayut> (Дата обращения – 28.10.2019).

Ближний Восток: От конфликтов к стабильности. Материал для обсуждения на ближневосточном диалоге Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 25–26 февраля 2016 / В.В. Наумкин, И.Д. Звягельская, В.А. Кузнецов, Н.В. Сухов. – М., 2016. – 14 с. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/11319/> (Дата обращения – 28.10.2019).

Война в киберпространстве: Уроки и выводы для России. Круглый стол в редакции «Независимого военного обозрения» // Независимое военное обозрение. – М., 2013. – 13.12. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20190131164924/http://nvo.ng.ru/concepts/2013-12-13/1_war.html (Дата обращения – 28.10.2019).

Дериглазова Л. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. – М., 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-three/006.htm> (Дата обращения – 28.10.2019).

Ильченков П. «Экспресс-революция» в Сербии // Оранжевые сети: От Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 56–91.

Калдор М. Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.

Клаузевиц К. О войне. – М.: Государственное военное издательство, 1934. – 692 с.

Ковалев В.И., Малинский Г.Г., Матвиенко Ю.А. Концепция «сетцентрической» войны для армии России: «Множитель силы» или ментальная ловушка? // Экономические стратегии. – М., 2013. – № 5. – С. 40–51. – Режим доступа: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2013_05/ES2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf (Дата обращения – 28.10.2019).

Кревельд М. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.

Куделев В.В. Наркотрафик и терроризм: Опасная связь в Сахеле / Институт Ближнего Востока. – М., 2009. – 12.12. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=9819> (Дата обращения – 28.10.2019).

Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: Постъевропейская Россия в поисках самодостаточности / Совет по внешней и оборонной политике. – М., 2016. – 32 с. – Режим доступа: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (Дата обращения – 28.10.2019).

Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. – М.: Кучково поле, 2018. – 382 с.

Никитин А.И. Конфликты и миротворческая деятельность: Типологизация, методологические аспекты // Вестник МГИМО (У). – М., 2010. – № 4. – С. 234–244.

Парламент Грузии утвердил день советской оккупации // Lenta.ru. – М., 2010. – 21.07. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2010/07/21/day1/> (Дата обращения – 28.10.2019).

Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война под взглядом политолога // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – СПб., 2018. – № 1. – С. 139–168.

Росс М. Нефтяное проклятие: Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств. – М., 2015. – 464 с.

Сатановский Е. Неустойчивые компромиссы: Магриб проживет без «арабской весны» // Военно-промышленный курьер. – М., 2016. – 31.10. – Режим доступа: <https://vpk-news.ru/articles/33315> (Дата обращения – 28.10.2019).

Современные войны и военное искусство: Некоторые социологические и политологические аспекты / Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В., Фисенко И.С. – М.: URSS, 2015. – 160 с.

Степанова Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. – М., 2010. – № 5. – С. 47–54.

Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. – М.: Права человека, 2001. – 272 с.

Тодд Э. После империи: Рах Americana – начало конца. – М.: Международные отношения, 2004. – 232 с.

Фененко А.В. Какой будет война будущего? // РСМД. – М., 2016. – 10.05. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-voyna-budushchego/> (Дата обращения – 28.10.2019).

Финансирование террористической организации Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ): Отчет ФАТФ / FATF; OECD. – Париж, 2015. – 68 с. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf (Дата обращения – 28.10.2019).

Чимаров С.Ю. К вопросу о сетецентрическом формате гибридной войны XXI века // Управленческое консультирование. – М., 2016. – № 2. – С. 97–102.

Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.

Щекотинин Е.В. Феномен «атомарной гражданской войны»: Терроризм одиночек как вызов современному миру // Грамота. – Тамбов, 2016. – № 12(74). – С. 214–216.

Avant D.D. The market for force: The consequences of privatizing security. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 328 p.

Avant D.D. Private security and democracy: Lessons from the US in Iraq // Security studies. – L., 2010. – Vol. 19, Issue 2. – P. 230–265.

Bhatt Ch. The virtues of violence: The Salafi-Jihadi political universe // Theory, culture and society. – L., 2014. – Vol. 31, Issue 1. – P. 25–48.

Byman D. Friends like these: Counterinsurgency and the war on terrorism // International security. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – Vol. 31, Issue 2. – P. 79–115.

Caliphate in decline: An estimate of Islamic State's financial fortunes / Heißner S., Neumann R.P., Holland-McCowan J., Basra R.; ICSR. – L., 2017. – 20 p. – Mode of access: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2017/02/ICSR-Report-Caliphate-in-Degradation-An-Estimate-of-Islamic-State's-Financial-Fortunes.pdf> (Date of access – 28.10.2019).

Coker C. Waging war without warriors? The changing culture of military conflict. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2002. – 224 p.

Collier P., Hoeffler A. On economic causes of civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 1998. – Vol. 50, Issue 4. – P. 563–573.

Eriksson M., Wallensteen P., Sollenberg M. Armed conflict: 1989–2002 // J. of peace research. – Thousand Oaks, CA, 2003. – Vol. 40, Issue 5. – P. 593–607.

Gantzel K.J., Schwinghammer T. Warfare since the Second World War. – New Brunswick, NJ: Transaction publishers, 2000. – 554 p.

Howden D., Doyle L. Making a killing: How private armies became a \$120 bn global industry // The Independent. – L., 2007. – 21.09. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20091212221922/http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/making-a-killing-how-private-armies-became-a-120bn-global-industry-403062.html> (Date of access – 28.10.2019).

Jackson R., Rosberg C. Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1982. – Vol. 35, Issue 1. – P. 1–24.

Jung D. New wars, old warriors and transnational crime // Cooperation and conflict / Nordic International Studies Association. – L.: Sage Publications, 2005. – Vol. 40, Issue 4. – P. 423–434.

Kaplan R.D. The coming anarchy // Atlantic Monthly. – Wash., D.C., 1994. – Issue 2 (February). – P. 44–76.

Le Billon P. The political ecology of war: Natural resources and armed conflicts // Political geography. – L., 2001. – Vol. 20, Issue 5. – P. 561–584.

Lee Chia-Yi. Oil and terrorism: Uncovering the mechanisms // J. of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 62, Issue 5. – P. 903–928.

Mack A. Why big nations lose small wars: The politics of asymmetric conflict // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1975. – Vol. 27, Issue 2. – P. 175–200.

Masland T., Dickey C. Building an enemy: America, Israel and Arab states created the Islamic militants they now fear // Newsweek. – N.Y., 1993. – 15.02. – P. 11.

Schwartz M. The department of defense's use of private security contractors in Afghanistan and Iraq: Background, analysis, and options for Congress / Congressional research service. – Wash., D.C., 2011. – 13.05. – 23 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf> (Date of access – 28.10.2019).

Singer P.W. Corporate warriors: The rise of the privatized military industry and its ramifications for international security // International Security. – Cambridge, MA: MIT press, 2002. – Vol. 26, Issue 3. – P. 186–220.

Stanger A. One nation under contract: The outsourcing of American power and the future of foreign policy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 2009. – 320 p.

Warden J.A. The enemy as a system // Airpower j. – Montgomery, AL: Air univ. press, 1995. – Vol. 9, Issue 1. – P. 40–55.

Wertch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // Memory studies. – L., 2009. – Vol. 2, Issue 3. – P. 377–391.

DOI: 10.31249/ape/2020.02.01

Ponamareva A.M.¹ ©, 2020
Old wine in new bottles:
International conflicts in the 21st century

Abstract. *The article examines the concept «new wars» as analytical tool to describe contemporary international conflicts. The first section provides a brief overview of the Martin van Creveld non-trinitarian theory of warfare, which he juxtaposes to the famous work by Carl von Clausewitz – «On War». The next section highlights the key points of Mary Kaldor’s approach, who asserts the existence of differences between «old» and «new» wars in actors, goals, methods of warfare and forms of finance. It examines coupling the «new wars» theory with the contemporary practice of international conflicts in the Middle East and North Africa. In the third part of the article we regard specific difficulties in the management and settlement of intra-state, regional and international conflicts in the XXIst century, and reaffirm the relevance of Emmanuel Todd’s notion of «theatrical micro-militarism» of the USA. It’s also regarded the place of the conception of network-centric war in the structure of the modern hybrid war. The character of threats produced by asymmetric conflicts is analyzed through a framework of Andrew Mack’s conceptual articles. The last section tackles the questions of the novelty of «new wars» and the shift of the Western and non-Western cultures of war. Accepting Herfried Münkler conception we argue that current warfare reminds of the forms of collective violence as they took place in Europe before the early modern era states established the normative rules that have guided international warfare since the end of the Thirty Years’ War. We also find that argumentation of the transformation of war has its origin in a gradual change of Western mind. The article ends up with identifying main misperceptions of the theoretical model developed by Carl von Clausewitz and the suggestion to evaluate the «new wars» discourse*

¹ **Ponamareva Anastasia Mikhailovna** – Ph.D. in Sociology, senior researcher, INION RAN (amp1982@mail.ru).

as a reflection of changing Western attitudes towards war, but not the war's nature.

Keywords: *international conflicts, «new wars», identity, violence, national interest, terrorism.*

References

Avant D.D. (2005). The market for force: The consequences of privatizing security. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 328 p.

Avant D.D. (2010). Private security and democracy: Lessons from the US in Iraq // Security studies. – London. – Vol. 19, Issue 2. – P. 230–265.

Ben' E. (2019). The war where nobody counts the victims [*Voina, v kotoroi zhertv ne schitayut*] // Novye izvestiya. – Moscow. – 05.05. – Mode of access: <https://newizv.ru/news/world/05-05-2019/yemen-voyna-v-kotoroy-zhertv-ne-schitayut> (Date of access – 28.10.2019).

Bhatt Ch. (2014). The virtues of violence: The Salafi-Jihadi political universe // Theory, culture and society. – London. – Vol. 31, Issue 1. – P. 25–48.

Byman D. (2006). Friends like these: Counterinsurgency and the war on terrorism // International security. – Cambridge: Cambridge univ. press. – Vol. 31, Issue 2. – P. 79–115.

Caliphate in decline: An estimate of Islamic State's financial fortunes. (2017) / Heißner S., Neumann R.P., Holland-McCowan J., Basra R. / ICSR. – London. – 20 p. – Mode of access: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2017/02/ICSR-Report-Caliphate-in-Degradation-An-Estimate-of-Islamic-State's-Financial-Fortunes.pdf> (Date of access – 28.10.2019).

Chimarov S.Yu. (2016). On the network-centric format of the hybrid war of the 20th century [*K voprosu o setetsentricheskom formate gibridnoi voiny XXI veka*] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – Moscow. – N 2. – P. 97–102.

Coker C. (2002). Waging war without warriors? The changing culture of military conflict. – Boulder, CO: Lynne Rienner. – 224 p.

Collier P., Hoefler A. (1998). On economic causes of civil war // Oxford economic papers. – Oxford. – Vol. 50, Issue 4. – P. 563–573.

Contemporary wars and military skills: Some sociological and political aspects [*Sovremennye voiny i voennoe iskusstvo: Nekotorye sotsiologicheskie i politologicheskie aspekty*]. (2015) / Kokoshin A.A., Veselov V.A., Liss A.V., Fisenko I.S. – Moscow: URSS. – 160 p.

Deriglazova L. (2015). Asymmetric conflict in modern American politicalology [*Assimetrichnyi konflikt v sovremennoi amerikanskoj politologii*] // Mezhdunarodnye protsessy. – Moscow. – N 1. – Mode of access: <http://www.intertrends.ru/old/twenty-three/006.htm> (Date of access – 28.10.2019).

Eriksson M., Wallensteen P., Sollenberg M. (2003). Armed conflict: 1989–2002 // J. of peace research. – Thousand Oaks, CA. – Vol. 40, Issue 5. – P. 593–607.

Fenenko A.V. (2016). What will future war be like? [*Kakoi budet voyna budushchego?*] // RIAC. – Moscow. – Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-voyna-budushchego/> (Date of access – 28.10.2019).

Financing of the terrorist organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIS): FATF Report [*Finansirovanie terroristicheskoi organizatsii Islamskoe gosudarstvo Iraka i Levanta (IGIL): Otchet FATF*]. (2015) / FATF; OECD. – Paris. – 68 p. – Mode of access: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf (Date of access – 28.10.2019).

Gantzel K.J., Schwinghammer T. (2000). Warfare since the Second World War. – New Brunswick, NJ: Transaction publishers. – 554 p.

Georgia's parliament asserted Soviet occupation day [*Parlament Gruzii utverdil den' sovetskoi okkupatsii*]. (2010) // Lenta.ru. – Moscow. – Mode of access: <https://lenta.ru/news/2010/07/21/day1/> (Date of access – 28.10.2019).

Howden D., Doyle L. (2007). Making a killing: How private armies became a \$120 bn global industry // The Independent. – London. – 21.09. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20091212221922/http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/making-a-killing-how-private-armies-became-a-120bn-global-industry-403062.html> (Date of access – 28.10.2019).

Il'chenkov P. (2008). «Express revolution in Serbia» [*«Ekspress-revolutsiya» v Serbii*] // Orange networks: From Belgrade to Bishkek [*Oranzhevyye seti: Ot Belgrada do Bishkeka*] / N.A. Narochnitskaya (Ed.). – Saint Petersburg: Aletheia. – P. 56–91.

Jung D. (2005). New wars, old warriors and transnational crime // Cooperation and conflict / Nordic International Studies Association. – London: Sage Publications. – Vol. 40, Issue 4. – P. 423–434.

Jackson R., Rosberg C. (1982). Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood // World politics. – Cambridge: Cambridge univ. press. – Vol. 35, Issue 1. – P. 1–24.

Kaldor M. (2005). New and old wars: Organized violence in the global era [*Novyye i starye voyny: Organizovannoe nasilie v global'nyuyu epokhu*]. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House. – 416 p.

Kaplan R.D. (1994). The coming anarchy // Atlantic Monthly. – Washington, D.C. – Issue 2 (February). – P. 44–76.

Klauzevits K. (1934). On war [*O voine*]. – Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. – 692 p.

Kovalev V.I., Malinskii G.G., Matvienko Yu.A. (2013). The «network-centric» warfare conceptions for the Russian army: «Force multiplier» or mental trap? [*Kontseptsiya «setetsentricheskoi» voiny dlya armii Rossii: «Mnozhitel' sily» ili mental'naya lovushka?*] // *Ekonomicheskie strategii*. – Moscow. – N 5. – P. 40–51. – Mode of access: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2013_05/ES_2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf (Date of access – 28.10.2019).

Krevel'd M. (2005). Transformatsiya voiny [*The transformation of war*]. – Moscow: Al'pina Biznes Buks. – 344 p.

Kudelev V.V. (2009). Drug trafficking and terrorism: A dangerous link in the Sahel [*Narkotrafik i terrorizm: Opasnaya svyaz' v Sakhele*] / Middle East Institute. – Moscow. – 12.12. – Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=9819> (Date of access – 28.10.2019).

Le Billon P. (2001). The political ecology of war: Natural resources and armed conflicts // *Political geography*. – London. – Vol. 20, Issue 5. – P. 561–584.

Lee Chia-Yi. (2016). Oil and terrorism: Uncovering the mechanisms // *J. of conflict resolution*. – Thousand Oaks, CA. – Vol. 62, Issue 5. – P. 903–928.

Mack A. (1975). Why big nations lose small wars: The politics of asymmetric conflict // *World politics*. – Cambridge: Cambridge univ. press. – Vol. 27, Issue 2. – P. 175–200.

Masland T., Dickey C. (1993). Building an enemy: America, Israel and Arab states created the Islamic militants they now fear // *Newsweek*. – New York. – 15.02. – P. 11.

Middle East: From conflict to stability. Discussion material on the Middle East dialogue of the Valdai International Discussion Club, Moscow, February 25–26, 2016 [*Blizhnii Vostok: Ot konfliktov k stabil'nosti. Material dlya obsuzhdeniya na blizhnevostochnom dialoge Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai», Moskva, 25–26 fevralya 2016*]. (2016) / V.V. Naumkin, I.D. Zvyagel'skaya, V.A. Kuznetsov, N.V. Sukhov. – Moscow. – 14 p. – Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/files/11319/> (Date of access – 28.10.2019).

Miller A., Luk'yanov F. (2016). Detachment instead of confrontation: Post-European Russia in search of self-sufficiency [*Otstranennost' vmesto konfrontatsii: Postevropeiskaya Rossiya v poiskakh samodostatochnosti*] / Foreign and Defense Policy Council. – Moscow. – 32 p. – Mode of access: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (Date of access – 28.10.2019).

Myunkler G. (2018). The splinters of war: The evolution of violence in the 20th and 21st centuries [*Oskolki voiny: Evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh*]. – Moscow: Kuchkovo pole. – 382 p.

Nikitin A.I. (2010). Conflicts and peacemaking: Typologization and methodological aspects [*Konflikty i mirotvorcheskaya deyatel'nost': Tipologizatsiya, metodologicheskie aspekty*] // Vestnik MGIMO (U). – Moscow. – N 4. – P. 234–244.

Prokop'ev A.Yu. (2018). The Thirty Years' War under the view of a political scientist [*Tridtsatiletnyaya voina pod vzglyadom politologa*] // Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni. – Saint Petersburg. – N 1. – P. 139–168.

Ross M. (2015). The oil curse: How petroleum wealth shapes the development of nations [*Neftyanae proklyatie: Kak bogatye zapasy uglevodorodnogo syr'ya zadayut napravlenie razvitiya gosudarstv*]. – Moscow. – 464 p.

Satanovskii E. (2016). Unsustainable compromises: Maghreb will live without an Arab Spring [*Neustoichivye kompromissy: Magrib prozhivet bez «arabskoi vesny»*] // Voенно-promyshlennyi kur'er. – Moscow. – 31.10. – Mode of access: <https://vpk-news.ru/articles/33315> (Date of access – 28.10.2019).

Schwartz M. (2011). The department of defense's use of private security contractors in Afghanistan and Iraq: Background, analysis, and options for Congress / Congressional research service. – Washington, D.C. – 13.05. – 23 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf> (Date of access – 28.10.2019).

Sharp G. (2005). From dictatorship to democracy: A conceptual framework for liberation [*Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya*]. – Moscow: Novoe izdatel'stvo. – 84 p.

Shchekotinin E.V. (2016). The phenomenon of «corpuscular civil war»: Terrorism of individualists as a challenge to the modern world [*Fenomen «atomnoi grazhdanskoi voiny»: Terrorizm odinochek kak vyzov sovremennomu miru*] // Gramota. – Tambov. – N 12(74). – P. 214–216.

Singer P.W. (2002). Corporate warriors: The rise of the privatized military industry and its ramifications for international security // International Security. – Cambridge, MA: MIT press. – Vol. 26, Issue 3. – P. 186–220.

Stanger A. (2009). One nation under contract: The outsourcing of American power and the future of foreign policy. – New Haven, CT: Yale univ. press. – 320 p.

Stepanova E.A. (2001). Civil-military relations in non-combat military operations [*Voенно-grazhdanskie otnosheniya v operatsiyakh nevoennogo tipa*]. – Moscow: Prava cheloveka. – 272 p.

Stepanova E.A. (2010). Asymmetric conflict as an asymmetry of power, status, ideology and structure [*Asimmetrichnyi konflikt kak silovaya, statusnaya, ideologicheskaya i strukturnaya asimmetriya*] // Voennaya mys'l'. – Moscow. – N 5. – P. 47–54.

The cyberspace war: Lessons and consequences for Russia [*Voina v kiberneticheskom prostranstve: Uroki i vyvody dlya Rossii. Kruglyi stol v redaktsii «Nezavisimogo voen-*

nogo obozreniya»]. (2013) // Nezavisimoe voennoe obozrenie. – Moscow.–13.12. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20190131164924/http://nvo.ng.ru/concepts/2013-12-13/1_war.html (Date of access – 28.10.2019).

Todd E. (2004). *After the Empire: Pax Americana – The beginning of the end [Posle imperii: Pax Americana – nachalo kontsa]*. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 232 p.

Warden J.A. (1995). *The enemy as a system // Airpower j.* – Montgomery, AL: Air univ. press. – Vol. 9, Issue 1. – P. 40–55.

Wertch J.V., Karumidze Z. (2009). *Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // Memory studies.* – London. – Vol. 2, Issue 3. – P. 377–391.